

Хильдегард Шпрауль

Семантические изменения в русской общественно-политической лексике последних лет (1988-1993)

Studia Rossica Posnaniensia 27, 203-212

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ (1988-1993)

SEMANTIC CHANGES IN THE RUSSIAN SOCIO-POLITICAL LEXICON
IN RECENT YEARS (1988-1993)

ХИЛЬДЕГАРД ШПРАУЛЬ

ABSTRACT. The author discusses new semantic phenomena in the area of Russian socio-political lexicon. His main concern are the expansions of the meanings of words and semantic shifts of various types. The semantic innovations considered are the result of the fundamental ideological changes occurring in the modern Russian society.

Hildegard Spraul, Universität des Saarlandes, Russische Abteilung, Postfach 1150, 66041 Saarbrücken, Deutschland.

Изложение представлено по следующим разделам:

1. Изменения политического и общественного строя и общественно-политическая лексика;
2. Определение источника сравнения для отмеченных семантических изменений в лексике;
3. Теоретический подход к описанию лексической семантики;
4. Анализ слова „демократия“;
5. Заключение.

1. Русский литературный язык XX-го века дает богатый материал для исследования воздействия радикальных общественных изменений на тот пласт лексики, который принято называть общественно-политическим. Это положение отмечалось языковедами еще при изучении лексики после Октябрьской революции¹. В качестве примера приведу наблюдения Льва Успенского 1928 г., опубликованные в 1931 г. в Праге. Здесь говорится об употреблении слов „оппозиция” и „партийный”:

¹ Г. О. Винокур, *Революционная фразеология. (Один из вопросов языковой политики)*, „Лев” 1923, № 2, с. 104-118.

(1) „...термин «оппозиция» с 1925 года называет в общем языке круг явлений гораздо более узкий, нежели раньше; слово «партийный» могло в прежних условиях означать лицо, состоящее в какой-либо партии, теперь – только «член ВКП (б)»”(268)².

В наши дни, начиная примерно с 1988 г., мы все более очевидно замечаем похожие изменения в семантике слов, которые опять стали предметом дискуссий как в прессе – раньше бы сказали „в средствах массовой информации”, – так и в научной литературе. Приведу только один пример:

(2) „Но дело даже не в дефиците объяснений... У нас нет языка, на котором можно было бы говорить о политике, экономике, государстве и обществе, не впадая в новую мифологию. Слова «демократия», «референдум» и т.п. у нас большей частью очень отдаленно соответствуют обозначаемым объектам” (Лит. газ., 17.03.1993).

Изменения в лексике публицистики в наши дни связаны с отказом в России от того авторитарного строя и политической диктатуры, введение которых в 20-е годы повлекло за собой вышеупомянутые семантические сдвиги в сторону идеологизированного сужения слова.

Принятие в августе 1990 г. *Закона о средствах массовой информации* и фактический уход с политической арены Компартии СССР как всеобщей правящей силы в 1991 г. дали юридическую и политическую основу для свободы слова в публицистике. Но, как говорится, колесо истории назад не повернешь: сегодняшней общественно-политической лексикой отражает весь исторический путь, пройденный русской цивилизацией в XX веке.

В этих условиях описание и определение языковых изменений весьма сложно. В то же время, при неоспоримой условности точки зрения современника, наблюдаемые явления и процессы требуют своего освещения и осмысления, о чем и свидетельствуют многочисленные публикации в российской и зарубежной русистике³.

2. При трактовке семантических изменений слов требуется выяснить, с чем мы сравниваем сегодняшнее значение, в чем мы видим точку отсчета.

² Л. В. Успенский, *Русский язык после революции*, „Slavia”, Praha 1931, Р. X, с. 252-287.

³ А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, *Русская политическая метафора. (Материалы к словарю)*, Москва 1991; Г. В. Вариченко, *Новая жизнь старых слов*, „Русский язык в школе” 1990, № 3, с. 72-77; Е. А. Земская, *Язык современных газет и перестройка*, „Zielsprache Russisch” 1991, № 1, с. 1-8; Г. А. Золотова, *О слове и деле*, „Русская речь” 1992, № 1, с. 56-62; В. И. Максимов, *Словарь перестройки*, Санкт-Петербург 1992.

Отвечая на эти вопросы, первым делом надо напомнить о следующем: из лингвистической литературы хорошо известно, и вышеприведенные цитаты это подтверждают еще раз, что десятилетиями в СССР проводилась известная языковая политика относительно средств массовой информации. Тут уместно вспомнить понимание газеты у Ленина. Известна его формулировка 1901 г.: „Газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор...“⁴. Это определение стало лозунгом, тысячекратно повторявшимся и теоретиками средств массовой информации, и практиками-журналистами.

В этих условиях образовался подвид языка, который сегодня не только в зарубежной, но и российской лингвистике называют „новоязом“ („newspeak“, „nowotowa“ или по-французски „langue de bois“)⁵. В русской терминологии доперестроечного времени этот подвид языка называли „языком трибуны“, лексемы которого определялись дефинициями и комментариями в академических толковых словарях. Отсюда они вошли в общие и специальные словари, в такие, например, как *Словарь русского языка* С. И. Ожегова и *Словарь-справочник агитатора и политинформатора*.

Сказанное позволяет сделать вывод, что „новояз“ встречался не только в текстах средств массовой информации, но был четко кодифицирован в общезыковых словарях. Этот санкционированный „язык трибуны“, опираясь на мощную силу государственной идеологии, определял рамки значения пласта общественно-политической лексики, создавал стереотипы для ее употребления в массах.

Поэтому при решении вопроса о том, какие языковые факты могут служить точкой отсчета для определения изменений в сегодняшнем лексиконе, правомерно исходить из того, что в качестве „tertium comparationis“ здесь выступает та кодифицированная общественно-политическая лексика доперестроечного времени, которая описана в академических толковых словарях.

Конкретно я опираюсь на *Словарь русского языка* С. И. Ожегова. Отмечу, что весьма интересно сравнить словарные статьи основополагающих политических и экономических терминов, например, „социалистический“, „рынок“, „собственность“, „частная собственность“ и т.п. В указанном словаре первые контуры идео-

⁴ В. И. Ленин, *С чего начать?*, „Искра“ 1901. В: *Полное собрание сочинений*, т. 5, Москва 1967, с. 11.

⁵ „Essais sur le discours soviétique“ 1981-1987, № 1-7; H. Spraul, *Elemente des hohen Stils in der neueren sowjetrussischen Publizistik*, „Zeitschrift für slavische Philologie“ 1987, с. 98-115; D. Weiss, *Was ist neu am „Newspeak“? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion*, „Slavistische Linguistik 1985“, München 1986, с. 247-325.

логического рубежа между периодами „застоя” и „нового мышления” вырисовываются в его изданиях 1988 г., с одной стороны, и 1990 г. – с другой.

3. Из многочисленных языковых и речевых изменений ограничусь здесь изменениями лексической семантики. Анализ основывается на следующем фактическом материале.

На факультете переводчиков университета земли Саар примерно с 1989 г., при участии студентов и преподавателей, изучается язык советской и российской прессы, в первую очередь в таких газетах и журналах, как: „Известия” (Изв.), „Правда”, „Аргументы и факты”, „Московские новости” (МН), „Литературная газета” (Лит. газ.), „День” и „Огонек”. Дополнительно мы следим за языком общественно-политических передач 1-го канала телевидения. Из всего этого материала составляется картотека, в которой в данный момент содержится около 1000 примеров.

Специфику этого материала мы видим в том, что он отражает употребление общественно-политической лексики в массовом пользовании. Это обстоятельство и повлияло на сделанный нами выбор лингвистического подхода при анализе: мы опираемся на методы структурной лингвистики, однако изучение языка и речи, в первую очередь их семантических признаков, проводится не под углом зрения абстрактной системы, как это делалось в классических трактовках структурной лингвистики. Мы учитываем современные концепции анализа знания в понимании *conceptual frames*⁶. В соответствии с этими концепциями, некоторый общий пласт общественных понятий, как результат определения и осмысления людьми их различных социальных ролей, находит свое отражение в массовом употреблении слов каждой языковой общности.

Напомню, что подобный подход лежит в основе фундаментального исследования основных политических понятий французской революции *Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680-1820*⁷.

Используя этот подход при решении поставленной нами задачи, мы сравниваем употребление в современной прессе отдельных единиц общественно-политической лексики с их толкованием в доперестроечное время по *Словарю русского языка* Ожегова в издании 1988 г.

Российские газеты, выходящие в новых условиях плюрализма мнений и отражающие свойственное любой прессе стремление по-

⁶ Ч. Филмор, *Фреймы и семантика понимания. Новое в зарубежной лингвистике*, Москва 1988, с. 52-92.

⁷ *Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680-1820*, (ред.) R. Reichardt, E. Schmitt и др., München 1985.

влиять на массового читателя, дают любопытный материал для исследования русской общественно-политической лексики нового типа.

При изучении политического дискурса (употребляя известный термин текстовой лингвистики) мы опираемся на получившие широкое признание работы о немецком политическом дискурсе. Назову здесь лишь работы таких авторов, как Dieckmann, Hermanns, Klein и Strauss⁸.

Следующая цитата представляет собой широко признанное определение языка политических текстов:

(3) „Politische Sprache ist ein spezifischer Verbund aus Fachsprachenpluralität und öffentlicher Sprache, eine Sprache, deren soziale Geltung nicht auf bestimmte Expertengruppen eingeschränkt ist und die nicht nur über ein kognitiv-denotatives, sondern auch ein evaluativ-persuasives Potential verfügt” (G. Strauss, 1986, 194).

4. Используя слова „демократия” и производные от него, представлю теперь конкретный пример анализа и его результаты.

При обработке газетных текстов мы выделяем изучаемое слово с его ближайшими синтаксическими связями: учитываются в первую очередь перечисление, предикативные и разного рода определительные связи. Поясню один пример (перечень использованных примеров в сокращенном виде дается ниже). В „Известиях” от 24 авг. 1991 г. о „демократии” говорится:

(4) Эти проблемы следует решать... демократическими методами и теми властными структурами, которым это право доверено законом и Конституцией.

Для семантического анализа мы выделяем „закон” и „Конституция”, что и зафиксировано в перечне; номер в скобках (напр. 4) указывает на нумерацию цитат.

Соответственно обработав все примеры, мы заметили, что слово „демократия” и производные от него употребляются в многообразных, частично исключаящих друг друга связях, как, например, см. ниже: (6 и 9) – „нормальный” („нормальное понимание демократии”) и „парламент”, (23) – „народовластие” и „Совет”; (5)

⁸ W. Dieckmann, *Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache*, Heidelberg 1975; F. Hermanns, *Brisante Wörter. Zur lexikographischen Behandlung parteisprachlicher Wörter und Wendungen in Wörterbüchern der deutschen Gegenwartssprache*. В: *Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie*, (ред.) H. E. Wiegand, Hildesheim-Zürich 1982, с. 87-102; J. Klein, *Wortschatz, Wortkampf, Wortfelder in der Politik*. В: *Politische Semantik*, Opladen 1989, с. 3-50; G. Strauss, *Der politische Wortschatz. Zur Kommunikation- und Textsortenspezifik*, Tübingen 1986.

– „ценности современной цивилизации”, (25) – „буржуазный” и „гнилой” и т.д.

В следующем перечне примеры упорядочены по источникам:
демократия

- (Изв. 24.8.1991) / закон, Конституция (4)
- ценности современной цивилизации (5)
- (Изв. 16.4.1992) / нормальный, парламент (6)
- (МН 26.1.1992) / дисциплина, свобода слова (7)
- либеральный оттенок, индивид (8)
- нормальный (9)
- уважение (к человеку) (10)
- равенство (11)
- трудолюбие, вера в Бога (12)
- мир, согласие, помощь (13/14)
- немонархический (15)
- болтовня (16)
- глупость (17)
- коммунизм, эгоизм (18)
- умеренно авторитарный, демокр. централизм (19)
- эгалитаристский, народ („интересы народа”) (20)
- шаман, анархический, распад (21)
- прототалитарный (22)
- (МН 23.2.1992) / базисный, народовластие, Совет (23)
- (Правда, 24.2.1992) / буржуазный, лживость (24)
- (Правда, 26.11.1992) / буржуазный, гнилой (25)
- (Правда, 11.7.1992) / тоталитаризм (26)
- посредственность (27)
- демократ (Правда, 11.7.1992) / хищник, коррупция (28)
- разрушение, преступность (29)
- демократия (День, 12-18.4.1992, № 15) / диктатура (30)
- (День, 6-12.9.1992, № 36) / преступность (31)
- (День, 1-7.3.1992, № 9) / тоталитаризм, пропаганда (32)
- террор (33)
- (День, 1-7.3.1992, № 9, 40) / лживость, антинародность (34/35)
- (День, 1992, № 40) / развал, болтовня (36)
- демократ (День, 1-7.3.1992, № 9) / либерал (37)
- демократизм (День, 12-18.4.1992, № 15) / прозападный,
проамериканский, псевдodemократизм (38)
- демократия (Ожегов, *Словарь русского языка*, 1988)
/ социалистический, буржуазный (39)
- (Ожегов, *Словарь русского языка*, 1990)
/ социалистический, народовластие (40)

Чтобы упорядочить пеструю семантическую картину, дальнейший семантический анализ строим на основе семантической категоризации, сформулированной в философских трудах⁹, и используемой в западной лингвистике. Речь идет о различии между интенциональными и экстенциональными значениями слова, что можно толковать как различие между смыслом и значением или как различие между внутриязыковыми и речевыми связями, с одной стороны, и связями означающего с денотатом, с другой.

В вышеприведенных примерах обнаружившиеся семы мы рассматриваем как отдельные семантические признаки интенциональных, смысловых значений слова „демократия”.

Интенциональные значения мы сопоставляем с экстенциональными, денотативными, что иллюстрирует следующая схема в виде координатной сетки:

ДЕМОКРАТИЯ
(экстенсия) Парламентск. демокр. Народ. демокр.
1990-1992

(источник) (Sem)	(означаемое)	Изв./МН/	Правда/День/МН				Ожегов 1988
		демокр1	демокр2	демокр3	демокр4	демокр5	
1		2	3	4	5	6	
I							
закон (4)		+					
конституция (4)		+					
парламент (6)		+					
немонархич. (15)		+					
ценности современной цивилизации (5)		+					
нормальный (6/9)		+					
свобода слова (7)		+					
индивид (8)		+					
равенство (11)		+					
трудолюбие (12)		+					
вера в Бога (12)		+					
мир/согласие/помощь (13/14)		+					

⁹ G. Frege, *Über Sinn und Bedeutung*, *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, Neue Folge 100, 1892, с. 25-50. В: G. Frege, *Funktion, Begriff, Bedeutung (Fünf logische Studien)*, Göttingen 1966, с. 40-65.

1	2	3	4	5	6
II					
буржуазный (24/25/39)		+			+
лживость (24/34)		+			
гнилой (25)		+			
посредственность (27)		+			
тоталитаризм (26/32/22)		+	+		
диктатура (30)		+			
террор (33)		+			
хищник (28)		+			
коррупция (28)		+			
преступность (29/31)		+			
развал (29/36)		+			
прозападный (38)		+			
антинародный (34/35)		+	+		
либерал (37)		+			
болтовня (16/36)		+			
глупость (17)		+			
коммунизм, эгоизм (18)		+	+		
III					
демократический центра- лизм (19)				+	
эгалитаристский (20)				+	
народовластие (23/40)				+	+
Совет (23)				+	
социалистич. (40)					+

При рассмотрении схемы следует учесть, что в 1-ой строчке по горизонтали перечислены экстенциональные значения. В нашем случае речь идет о двух денотатах, здесь можно сказать – о двух реалиях: о „парламентской демократии” и о „народной демократии”. Следующая строчка указывает источники и время их публикации. Далее по горизонтали – перечень толкований означаемого. Эту строчку следует рассматривать в сочетании с данными по вертикали, т.е. различными семами интенциональных значений или смысловых оттенков. Крестики в сетке указывают на использование слова „демократия” с учетом всех названных здесь факторов.

Забегая вперед, хочу представить результаты этого рода синопсиса. Они показывают, что в современных газетных текстах русское слово „демократия” встречается в 4 толкованиях, обозначен-

ных здесь цифровыми индексами „1 – 4”. Семы объединяются в 3 подкласса, на что указывают римские цифры „I – III”.

Анализ по этой сетке можно вести с разных точек зрения. Начну его с рубрик по горизонтали, т.е. с точки зрения денотативного значения. Мы видим, что создаются новые по сравнению с толкованием в словаре Ожегова 1988 г. полисемии. Это подтверждает употребление слова „демократия” в смысле „парламентской демократии” – денотат, который относится теперь к реалиям и самой России, чего нет при толковании в словаре Ожегова. Такого рода семантические изменения слова можно квалифицировать как расширение значения – процесс, который наблюдается сейчас у большого количества слов общественно-политической лексики. Здесь можно привести такие слова, как: рынок, биржа, бизнес, партия, оппозиция, парламент, Конституция, безработица, пособие и т.д. Все эти слова могут обозначать сегодня реалии и самой России.

Тема „парламентской демократии” в России в последние годы широко и горячо обсуждается в прессе, о чем свидетельствует большое количество примеров. В то же время слово „демократия” продолжает обозначать „народную демократию”, как это видно из 19, 20, 23 примеров и других. По схеме они объединяются пучком смысловых сем „III”, а именно „демократический централизм”, „эгалитаристский”, „народовластие”. Здесь уместно указать на то, что данное использование слова „демократия” соответствует его традиционному толкованию в словаре Ожегова 1988 г.

Включая в дальнейший ход анализа выявленные здесь смысловые семы, мы обнаружим иной подтип семантических изменений, что хорошо можно продемонстрировать на наборе сем под цифрой „II”: (1) речь идет о „парламентской демократии” в соответствии с трактовкой в словаре Ожегова 1988 как „буржуазной”, и (2) в отличие, однако, от Ожегова, означаемое относится к реалиям в самом обществе, в самой стране.

Имеющиеся здесь семантические изменения в культурном и духовном плане куда более весомы, чем рассмотренное выше расширение значения, ведь смысловые семы выражают шкалу социальных и духовных ценностей, укоренившихся в обществе. Мы видим, что идеологические штампы (см. „гнилой”, „хищник”, „развал”, „антинародный”, „болтовня”), предназначенные в советское время для разоблачения врага, капиталистического, буржуазного общества, теперь уже используются, когда речь идет о новом общественном и экономическом строе в России. Ранее принятое дуалистическое деление мира на „добро”, т.е. „свое”, и „зло”, т.е. „чужое”, переносится внутрь своего общества. В условиях плюрализма мнений борьба политических сил ведется и в сфере слов, в по-

литическом дискурсе, и влечет за собой определенные семантические изменения. С формальной точки зрения их можно обобщенно квалифицировать как семантические сдвиги значения слова. Именно они характерны для русской общественно-политической лексики наших дней. В основном, как показывают наши примеры, это семантические сдвиги в двух направлениях: одни говорят о политическом строе новой России в смысле „буржуазной демократии”, а другие представляют теперь „народную демократию” в смысле западной критики советского режима (см. № 18, 22, 34).

Итак, слово „демократия” и производные от него употребляются сегодня в 4-х основных толкованиях (см. „демокр. 1-4”), из которых первые 3 являются новыми для русской общественно-политической лексики, а 4-ое продолжает традицию советской лексикографии.

5. С помощью представленной координатной оси я попыталась упорядочить семантические изменения слова „демократия” и производных от него. Подобный анализ мы провели и на других словах, и результаты показывают, что представленные здесь подтипы – семантическое расширение и семантические сдвиги значения – это широко распространенные изменения в общественно-политической лексике.

В заключение отмечу, что из большого количества сегодняшних изменений в русском лексиконе тип семантических сдвигов, на мой взгляд, имеет особый вес. Рассматривая его с макролингвистической точки зрения, следует подчеркнуть, что отмеченные сдвиги – это выражение в языке кардинальных идеологических изменений, происходящих сегодня в российском обществе. Наличие при этом одновременно и старой и новой шкал ценностей, о чем свидетельствует наш материал, отражает духовный и социальный кризис этого общества.

В то же время, именно такое обострение ситуации привело к обновлению политического дискурса российской публицистики. А это открывает перед лексикографией, текстовой лингвистикой и другими дисциплинами нашей науки новые, интереснейшие перспективы.